

Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Костромское церковно-историческое общество

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**Материалы конференции
Кострома, 29–30 мая 2008 года**

Кострома
2008

УДК 947я431
ББК 63.3(2)45-02я431
Р 693

Печатается по решению редакционно-издательского
совета КГУ им. Н. А. Некрасова

Р е д к о л л е г и я

Н. М. Рассадин (председатель), А. М. Белов (составитель
и научный редактор), М. Д. Валовая, В. Р. Веселов,
А. Г. Кирпичник, Б. К. Коробов, В. А. Кудинов, А. Р. Наумов,
Т. И. Нигметзянов, Д. И. Сазонов, И. Н. Слюняев

Романовские чтения. История российской государственно-
Р 693 сти и династия Романовых: актуальные проблемы изучения :
материалы конференции, Кострома, 29–30 мая 2008 года / сост.
и науч. ред. А. М. Белов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова,
2008. – 348 с.

ISBN 978-5-7591-0925-9

Книга включает в себя материалы Романовских чтений, состоявшихся в Костроме в мае 2008 года и положивших начало ряду ежегодных научных собраний к 400-летию династии Романовых. В центре внимания исследователей – вопросы становления и развития российской государственности, взаимоотношения государства и Церкви, исторические связи представителей правившей династии и выдающихся россиян с Костромской землей.

Адресована научным работникам, учителям, аспирантам, студентам, всем интересующимся историей Отечества.

ББК 63.3(2)45-02я431
УДК 947я431

ISBN 978-5-7591-0925-9

© А. М. Белов, составление, 2008
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008

шлого необходимо извлекать всем сознательным гражданам своей страны. Это – необходимое условие уврачевания давних ран, что позволило бы ответить и на вызовы нашего времени, и более уверенно идти в будущее.

Ю. В. Лебедев

МОТИВЫ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Ключевую роль в становлении историософских взглядов русских писателей сыграл Николай Михайлович Карамзин. Он был хорошо знаком с политическим учением французских просветителей, сформулированным в «Персидских письмах» и «Духе законов» Монтескье. Французский мыслитель различал три типа государственного правления: республику, монархию и деспотию. Последний тип он считал «неправильным», достойным лишь уничтожения. Идеальной формой государственного устройства Монтескье провозглашал республику, жизненными принципами которой являются усвоенные просвещенными гражданами республиканские добродетели: любовь к отечеству, любовь к равенству, привязанность к законам.

Эта идеализация республиканских нравов французскими просветителями сыграла роковую роль в судьбе французской монархии. А якобинская диктатура, пришедшая ей на смену, явилась страшной и горькой пародией на их идеальные республиканские представления. Карамзин, хотя и называл себя «республиканцем в душе», был убежден, что этот общественный строй является красивой, доброй, но не исполнимой на практике утопией, ибо он требует от помраченного грехом человека таких доблестей, какие ему не под силу. Принцип европейского республиканского общества, замечал Карамзин, несказанно далек от прекраснодушных идей просветителей о свободе, братстве и равенстве: «сперва деньги – а после добродетель!» Поэтому Карамзин считал самодержавную форму правления исторически плодотворной и наиболее органичной для православной России.

Но в то же время Карамзин указывал на постоянную опасность, подстерегавшую самодержавие в ходе истории, – опасность перерождения его в «самовластие». Самодержавие превращается в «самовластие» всякий раз, когда государь нарушает принцип разделения властей, когда он посягает на «симфонические» отношения между властью светской и властью духовной. Если царь уклоняется от контроля духовной власти или подчиняет ее себе,

© Ю. В. Лебедев, 2008

РАЗДЕЛ I

он становится тираном, переходит от самодержавия к «самовластию». Такими «самовластными» правителями России предстали в «Истории государства Российского» Карамзина Иоанн Грозный и Борис Годунов.

Опровергая распространенный взгляд на крестьянские мятежи и бунты как на проявление народной «дикости» и «невежества», Карамзин показал, что народные мятежи порождались уклонениями монархической власти от принципов самодержавия в сторону самовластия и тирании. Через народное возмущение Небесный Суд вершил кару за содеянные тиранами преступления. Именно через народную жизнь действует, по Карамзину, Божественная воля, именно народ чаще всего оказывается мощным орудием Провидения¹.

Значение «Истории государства Российского» трудно переоценить: ее появление в свет было крупным актом русского национального самосознания. Главным объектом критики декабристских друзей Пушкина было «самовластие» – понятие, введенное в обиход Карамзиным. Но ограничить самовластие царя декабристы хотели не через восстановление духовного авторитета Русской Церкви, а через введение конституционных форм правления, через подотчетность всех действий государя конституционному собранию (по примеру английского парламента). Так думали Никита Михайлович Муравьев и Николай Иванович Тургенев, с которым Пушкин в это время общался.

Оду «Вольность» Пушкин написал в конце 1817 года на квартире братьев Тургеневых, окна которой выходили на Михайловский замок, где был убит Павел I. Пушкинское понимание свободы как будто бы перекликается с идеями ограничения самовластия конституцией, родственными Николаю Тургеневу, Никите Муравьеву и другим членам «Союза благоденствия»:

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье².

Однако вольность у Пушкина сочетается со святостью, а над свободой распростер у него свои крылья Закон не в декабристском, а в гораздо более широком и универсальном его понимании. Обращаясь к земным владыкам всех времен и народов, Пушкин говорит:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон (1, 322).

Мотивы монархической государственности в русской литературе XIX века

Речь идет именно о *вечном* Законе, не людьми придуманном и не ими над собою установленном. Суть Божественного Закона вечна и неизменна. Вольность без святости и Закона вырождается в тиранию и своеволие. Так случается всякий раз с земными владыками, забывающими Закон, но так случается и с народами, если они в борьбе с тиранией выйдут за границы святой вольности и уйдут в своеволие. Поэт признает справедливость народного восстания против самовластных злодеев на троне:

Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы! (1, 321)

Но если восставшие рабы нарушат вечный Закон в своем гневе – злодейская порфира с плеч тирана опустится на плечи восставшего народа:

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно! (1, 322)

Революционное вероломство Пушкиным приравнено к тиранствующему самовластию. Он проводит скрытую параллель между казнью Людовика во время Великой французской революции и гибелью Павла I от рук наемных убийц во дворце, который виден поэту из окон дома Тургеневых «грозно спящим среди тумана». Не оправдывая тирании Павла, Пушкин не приветствует и способы избавления от нее:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей (1, 323).

Удары бесславны, ибо они противозаконны и вероломны. А история французской революции показывает поэту, что всякий, поднимающий на «самовластие» самовластную же руку, не освобождает отечество, а лишь сменяет одну форму тирании другой. В «Вольности» у Пушкина есть двойник поэта – «возвышенный галл», за которым скрывается француз Андрей Шенье, поэт с трагической судьбой. Он приветствовал французскую революцию, но решительно выступил против ее якобинского террора и был казнен, став жертвой *народного самовластия*.

Таким образом, концепция свободы и вольности у Пушкина далека от либерализма, вырастающего из веры в народ, в добрую природу человека. Если народ или царь будет властвовать над законами, меняя их по своему произволу, – горе этой стране и этому народу. Закон у Пушкина – это не конституция, которая утверждается властью народа. Вечным Законом ни народу, ни царям властвовать не дано, а всякое нарушение этого губит *святую* вольность и влечет наказание и царям, и народам.

Традицию Пушкина-государственника продолжил Ф. И. Тютчев. Исторический процесс он понимал как «последовательно развивающееся откровение». Человек действует в истории свободно. Однако эта свобода направляется незримой рукой Творца. Провидение обуздывает людское *самовластие* и устремляет исторический процесс в нужном Богу, соответствующем Его плану направлении.

Революция по духу своему – враг христианства. В ее основе лежит обожествившее себя человеческое *Я*. Возгордившийся, возомнивший себя Богом, человек не признает другого закона, кроме собственного волеизъявления. Человеческое *Я* в революции заменило собою Бога. «Риторика по поводу Наполеона, – скажет Тютчев в заметках к книге «Россия и Запад», – заслонила историческую действительность <...>. Это Центавр, который одной половиной своего тела – Революция»³. В стихотворении Тютчева «Неман» (1853) горделивые претензии Наполеона терпят крах при столкновении с русским народом, вдохновляемым не земным, а Божьим пламенем православной веры:

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели –
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...
Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* – стоял и ждал...
И мимо проходила рать –
Все грозно – боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать... (1, 153–154)

«Чудные очи» человека, возмнившего себя Богом, слепы, потому что «ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оною глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия Провидения» (Пушкин, VII, 144). А Провидение, по Тютчеву, стоит на страже России как страны православно-христианской, сохранившей в чистоте основы христианской веры. Тютчеву претит единство, навязанное обществу силой меча и крови. Он признает лишь ту силу, за которой стоит Божья правда. Когда 19 июля 1870 года началась Франко-прусская война и канцлер Пруссии Бисмарк провозгласил, что единство «священной империи германской нации» надо спаять железом и кровью, Тютчев написал стихотворение «Два единства»:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней... (II, 223)

Волю Творца, реализующего в историческом процессе свой замысел, раскрывает любое звено в цепочке исторических событий. Но наиболее значимым является начальное, где в свернутом виде содержится зерно будущего исторического развития. Примечательна в понимании Тютчева провиденциальная роль Православия: «...В этом русско-византийском мире, где жизнь и обрядность сливаются и который столь древен, что даже *Рим сравнительно с ним представляется нововведением*, – во всем этом для тех, у кого есть чутье к подобным явлениям, <...> к чувству столь древнего прошлого неизбежно присоединяется предчувствие неизмеримого будущего»⁴.

В плане всемирно-историческом восточная церковь непосредственно восходит к изначальному христианству, а не к Римской церкви. Отсюда прямо вытекает вера Тютчева в особое всемирно-историческое призвание России как Богоизбранной страны. Рим создал Запад по своему образу и подобию. Порывая последнее звено, связывавшее его с православным преданием вселенской церкви, «он на многие века решил судьбу Запада»⁵. Рим подменил царство Христово царством земным. Западная

РАЗДЕЛ I

церковь утратила Христов облик: она превратилась в учреждение, стала государством в государстве, увязла в прахе земных интересов. Папство навязало церкви войну с государством, ожесточенную схватку между первосвященником и императорами. Этот поединок продолжался все средние века и подорвал авторитет римской церкви. Реформация XVI века была взрывом протеста против власти искаженной папством церкви. Но протестантство привело к окончательному обмирщению духовных основ христианской веры. Во имя человеческого Я оно упразднило церковь и, просуществовав три века, теперь «умирает от истощения в тех странах, где оно до сих пор господствовало»⁶:

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, –
Еще она не перешла порогу,
Еще за нею не закрылась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь (1, 53).

Возникшая в эпоху кризиса европейского гуманизма эпидемия неверия уже в XIX веке распространяется не только по Западной Европе, но угрожает и любимой Тютчевым России. Поэт считает, что в эпоху реформ и революций этой болезни России не избежать. Но он же и предсказывает, что обуздает русский хаос «сердечное знание Христа», которое вслед за Тютчевым будет считать опорой русской государства и Достоевский:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?
Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растление душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, –

Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа... (I, 169)

В стихотворении «14 декабря 1825 года» Тютчев назвал первых русских революционеров-декабристов «жертвами мысли *безрассудной*», ибо их освободительный порыв не опирался на глубокое знание России:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил... (II, 58)

Главный объект критики Тютчева в этих стихах – «самовластье». Нельзя «самовластно» переносить западноевропейское политическое и социальное устройство на русскую почву, не считаясь с высокой ценностью коллективного народного сознания, «духа народа» как мистического целого. Обращаясь к декабристам, он говорит:

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена (II, 58).

Тютчев полагает, что без серьезного национального самопознания любое политическое деяние, от кого бы оно ни исходило – от государственной власти или от оппозиционного общественного движения, – обернется на практике насилием над жизнью, самовластием и деспотизмом. А потому Тютчев всю жизнь боролся с разными формами проявления либерального западничества в правительственных кругах и в среде русской интеллигенции:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не сыскать признанья у Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы (II, 196).

Смирение и самоотвержение, составляющие основу христианства, Запад отвергает, заменяя их чувством гордости и превозношения. Дух революции враждебен глубинным основам русского национального бытия:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя (I, 161).

Только Православие, по Тютчеву, может спасти мир, отравленный ядом революции, от внутреннего опустошения и саморазрушения. 11 октября 1855 года Тютчев писал М. П. Погодину: «Более тысячи лет готовилась нынешняя борьба двух великих Западных племен противу нашего. Но до сих пор все это только были авангардные дела, теперь наступил час последнего, решительного, генерального сражения... Все авангардные дела были нами проиграны, – от исхода предстоящей борьбы зависит решение вопроса: которая из двух самостоятельности должна погибнуть: наша или Западная; но одна из них должна погибнуть непременно – *быть* или *не быть*, *мы* или *они*...»⁷:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попушеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, –
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом... (II, 37)

В заметке «О цензуре в России», написанной вскоре после Крымской войны и адресованной министру иностранных дел, князю А. М. Горчакову, Тютчев сказал что «судьба России уподобляется кораблю, севшему на мель» и «*только одна приливающая волна народной жизни в состоянии поднять его и пустить в ход*»⁸. На эту приливную волну Тютчев надеялся и временами ее ощущал, особенно после своего возвращения в Россию:

Тихой ночью, поздним летом
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блещут в тиши ночной
Золотистые их волны
Убеленные луной (I, 108).

Н. Я. Берковский писал: «От крестьянского трудового хлеба в полях Тютчев восходит к небу, к луне и звездам, свет их он связывает в одно с зреющими нивами... Жизнь хлебов, насущная жизнь мира, совершается в глубоком молчании. Для описания взят ночной час, когда жизнь эта полностью предоставлена самой себе и когда только она и может быть услышана. Ночной час выражает и то, насколько велика жизнь – она никогда не останавливается, она идет днем, она идет ночью, бессменно...»⁹. Вера в естественный, органический ход национальной жизни, ведомой Божественным Промыслом, питала оптимизм Тютчева в минуты испытаний, которые переживала его Родина.

Примечания

¹ См. об этом: *Макогоненко Г. П.* Николай Карамзин – писатель, критик, историк // Карамзин Н. М. Соч. : в 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 47–49.

² *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 1. С. 322. Далее ссылки на это издание привожу в тексте с указанием тома и страницы.

³ *Тютчев Ф. И.* Лирика : в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 387. Далее ссылки на это издание привожу в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 18, Пг., 1914. С 8–9. Курсив мой. – Ю. Л.

⁵ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. / под ред. П. В. Быкова. СПб., 1913. С. 310. Курсив мой. – Ю. Л.

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. Федор Иванович Тютчев. М., 1988. С. 422.

⁸ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. / под ред. П. В. Быкова. СПб., 1913. С. 329. Курсив мой. – Ю. Л.

⁹ Цит. по: *Кожин Вадим.* Тютчев. М., 1988. – С. 301.

И. А. Едошина

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СОРСКИЙ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Любое историческое событие, как, впрочем, и событие сугубо частной жизни, можно уподобить брошенному в воду камню, а расходящиеся в разные стороны круги сопоставимы с последствиями. Камень давно уже (фактически сразу при попадании в воду) стал невидим, но круги вполне реальны, источник скрылся в глубинах, стал недоступен чувственному восприятию, зато следствия, наоборот, обрели материальное воплощение. Этот образ наглядно свидетельствует, что источники современных (сегодняшних) нестроений в русской жизни следует искать в далеком, а по сути близком, прошлом. С моей точки зрения, одной из центральных фигур русской историософии является «великий старец» – преподобный Нил Сорский (в миру Майков, ок. 1433–1508).

В основании прошлого, а заодно и будущего нашего отечества располагается особого рода ментальность (пресловутая «загадка русской души»), самая суть которой чутко уловлена Тютчевым:

Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья –
В Россию можно только верить.
1866

Кстати, в автографе стихотворения смысловую нагрузку несут знаки: два тире после ключевых слов «умом» и «особенная статья», запятая после «у ней» и отсутствие точки в конце четверостишия. Поэт словно стремился расставить акценты, справедливо полагая, что их могут не-